

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

Так как не замечал главный герой моей новой серии сценарист Илья Самбуров. Пока не стал участником невероятных и необъяснимых, с его точки зрения, событий.

Быть может, и вы посмотрите на мир его глазами и увидите нечто новое...

С любовью,

Наталья Солнцева

Откройте для себя 3D-чтение книг Наталии Солнцевой!

«3D-чтение» — это официально запатентованный проект, революционный способ общения с книгой, заключающийся в чтении под специально написанную для этого музыку. Всё дело в особенностях человеческого мозга, способного при чтении показывать нам самое настоящее красочное «кино», которое не может существовать без звука, создающего свою неповторимую атмосферу. Наше восприятие так или иначе воспринимает художественный текст как нечто, обладающее ритмом, который и ложится в основу этого метода чтения.

«3D-чтение» даёт возможность не просто включить свою фантазию, а вывести её на качественно новый уровень.

Читаем по-новому!

Инструкция по применению «3D-чтения»!

1) Сядьте поудобнее с книгой. Можете налить себе чашечку бодрящего кофе или чая.

2) Включите саундтрек с маркировкой «3D-чтение» на записанное повторение (репит). Важно, чтобы громкость звучания музыки была для вас комфортной. Помните, в данном случае она лишь фон для чтения и не должна заглушать ваш внутренний голос, читающий книгу.

3) Начните читать.

Внимание!

Не пытайтесь *специально* слушать музыку, не отвлекайтесь на неё сами (она сама вас точно ничем не отвлечёт). Не ждите специально никакого эффекта или ощущения. Сосредоточьтесь только на книге, на истории! *Только в этом случае* музыка сама станет вашим верным спутником, когда вы начнёте своё новое литературное путешествие!..

«Приятного погружения в книгу! Композитор Андрей Гучков»

Жизнь потрясающе юмористична... потому что в ней вы видите богов, притворяющихся нищими.

Ошо

Глава 1

Петр Гущин работал в салоне «Лотос» охранником. Он приходил вечером, когда клиентки и сотрудники расходились по домам, включал телевизор и смотрел все подряд — фильмы, шоу, спортивные программы, — пока его не одолевал сон. Работа ему нравилась: тихо, спокойно, комфортно. Только в последнее время начали происходить какие-то странные вещи. Петр старался не обращать на них внимания.

Они со вторым охранником Володей дежурили по очереди — через ночь.

— Ты как себя чувствуешь, когда один остаешься? — как бы между прочим поинтересовался Владимир. — Не боязно?

— Чего бояться-то? — удивился Гущин. — Денег тут больших нет, ценностей тоже. Не банк ведь — женский салон. Кто сюда сунется?

— Я не о том... — отвел глаза Володя. — Ты ничего такого... не замечал?

— Чего *такого*?

Володя замялся.

— Ну... всякое болтают...

— А ты не слушай! — рассердился Гуцин. — Не хватало еще нам с тобой бабские сплетни поддерживать!

— Я вчера еле утра дождался, — со вздохом признался Володя. — С вечера пришел, только сел футбольный матч смотреть... слышу истошный крик. Выбегаю в холл... там эта уборщица, Дуся... вопит и трясется вся. В чем дело? — спрашиваю. Что случилось? А она показывает в сторону коридора и за горло держится, как будто ее душили... Я бегом по коридору, туда, обратно... никого. Принес уборщице воды, она выпила, отдышалась и говорит... что видела женщину, одетую в красное...

— Может, кто из клиенток задержался?

— Я все проверил, — покачал головой Володя. — Никого не было. Дуся ушла домой, а мне не по себе стало. Сижу — и к каждому шороху прислушиваюсь... даже футбол меня отвлечь не может. Хотел вздремнуть... какое там! Только глаза закрою... то скрипнет что-то, то треснет... и до того жуть берет... Вот, иконки принес. Мать дала, велела поставить тут у нас. Не мешало бы еще святой водой все побрызгать.

— Ты в своем уме? — возмутился Гуцин. — А попа вызвать не надо? Чтоб он молебен очистительный прочитал, помахал всюду кадилом?

Володя пожал плечами. Предложение пришлось ему по душе.

— Может, и надо, — сказал он, расставляя иконки на шкафчике для одежды. — Самоубийцы долго не находят успокоения... все бродят и бродят... ищут чего-то. И вообще, я ходил к хозяйке салона, попросил у нее ароматические свечи. Приду на дежурство, зажгу... мне будет приятнее. Говорят, призраки огня не любят, он их отпугивает.

— Только не здешний, — засмеялся Гуцин. — Дама в красном сама не прочь со свечой прогуляться по темным коридорам. Если верить слухам, конечно.

— А ты веришь?

— Водочки употреблять меньше надо, Володя, — серьезно ответил Гущин. — И травку желательно не курить на ночь. Тогда никакие призраки не страшны.

— Я не курю, — обиделся Володя. — И не напиваюсь до чертиков!

Он был моложе Гущина, поменьше ростом, но крепкий, широкоплечий, с хорошо развитыми мышцами, и расписываться в собственной трусости ему было неловко. Но... видать, допекло парня.

Гущин добродушно похлопал его по плечу.

— Ладно, приноси святую воду, — пошутил он. — Вреда не будет. Ты, главное, сам облейся как следует, охлади горячую головку! Ха-ха-ха! Ха-ха!

Однако слова Володи подействовали на него сильнее, чем он ожидал. Оставаясь в салоне один, Гущин невольно начинал ощущать беспокойство, прислушиваться. Сидеть, как раньше, спиной к открытой в коридор двери он не мог и передвинул кресло ближе к стене. Время от времени, особенно после двенадцати, охранник чувствовал неприятную тяжесть в затылке, навязчивое желание оглянуться. Сон пропадал, и ночь напролет Гущину приходилось развлекаться телевизионными передачами, щелкая пультом и проклиная «нечистую силу».

В призраки и тому подобную чепуху он не верил, но... береженого бог бережет.

Однажды под утро, когда Петру с трудом удалось задремать, он увидел сон — танцовщица в красном шелковом наряде, в золотых украшениях, звеня браслетами и ритуальными колокольчиками, бродит по салону — из комнаты в комнату, потом по коридору к комнатухе охраны... приближается к Гущину... наклоняется... Могильный холод сковывает его члены, сердце замирает, он поднимает глаза и... вместо прекрасного лица видит белую мертвенную маску, оскалившуюся в дикой улыбке... Жуткий крик вырывается из его горла, он дергается, просыпается... и действительно слышит вопль, только женский.

Гущин, все еще сонный, вскакивает, бежит на крики и натывается в коридоре на уборщицу Катерину, которая едва не сбивает его с ног.

— А-а-аа-а! — вне себя от ужаса, орет она. — А-а-а-ааа...

Охранник схватил ее за плечи, встряхнул. Глаза Катерины приобрели более осмысленное выражение, она закрыла рот и жестом показала в сторону подсобки.

— Что случилось? — зло спросил Гущин. — Ты как здесь оказалась?

— Так... утро уже... — стуча зубами, выговорила она. — Я убираться пришла... сегодня моя очередь.

— Чего орешь как резаная?

— Там... там... — Катерина вздрогнула. — Она...

— Кто — «она»? Где? — еще больше рассвирепел Гущин, чувствуя, как ее страх передается ему.

— Там...

Охранник побежал по коридору, свернул вправо и оторопел... что-то, похожее на женскую фигуру в красном, притаилось в углу... Преодолевая страх, Гущин рванулся вперед и схватил «призрака». У него в руках оказалось красное кимоно, забытое кем-то из клиенток. От него шел слабый запах духов. Кимоно было накинуто на подставку в виде дракона, которые стояли в салоне по всем углам.

— Ф-ффу-у... — выдохнул Гущин, ощущая, как липкий пот течет по его спине. — Ну и напугала, дура! Иди сюда! — гаркнул он.

Катерина робко приблизилась, бледная и дрожащая.

— Вот твой призрак! — заорал охранник, размахивая перед ней красным кимоно. — С ума с вами сойдешь, дурахи чертовы!

Уборщица ойкнула и попятилась. Она уставилась на кимоно в руках Гущина, не в силах отвести глаз. Он плюнул, бросил кимоно на пол и зашагал к себе.

— Вот дурачьё! — сердито ворчал он. — И Вовка туда же! Икон натащил, бутылок со святой водой! Так и самому тронуться недолго... Уже кошмары начали сниться!

У Гущина пересохло в горле. Он окинул взглядом комнату в поисках минералки. Не найдя ничего лучшего, он налил в пластиковый стаканчик святой воды и выпил. Вода была тепловатая, с привкусом ладана.

Охраннику полегчало. Он посмотрел на часы и заторопился. Днем Гущин дежурил в супермаркете на соседней улице.

— Ты куда? — испуганно спросила Катерина, хватая его за руку. — Я здесь одна не останусь!

— Уже половина восьмого, — разозлился он. — Сейчас администратор придет!

* * *

Ева Рязанцева была прекрасной хозяйкой. Она хлопотала на кухне, напевая, порхая от стола к плите, и все у нее получалось как бы само собой. Мясо покрылось румяной корочкой, оставаясь внутри мягким и сочным; пироги подошли и отлично испеклись; грибной соус благоухал на всю квартиру; грушевый компот остывал на подоконнике.

Расставшись с мужем, она захотела начать все сначала, полностью изменить свою жизнь. Из прошлого Ева оставила только любовь к домашнему хозяйству и свою профессию — преподавание испанского языка. Остальное она решила безжалостно истребить в себе, начиная с внешности. Первой жертвой «террора» стала ее роскошная пшеничная коса, которая раньше составляла едва ли не главную Евину гордость. В парикмахерской, куда Ева пришла обрезать косу, ее долго отговаривали, убеждали не губить редкую красоту и «сохранить индивидуальность». Рязанцева была непреклонна.

— Мои прежние убеждения, вкусы, манеры и склонности принесли мне много вреда, — заявила она. — Я хочу покончить с этим.

Выйдя из парикмахерской, она с облегчением вздохнула, как будто сбросила некое тяжкое бремя. Пышные,

чуть вьющиеся волосы свободно рассыпались по плечам, сразу превратив Еву из печальной «прекрасной дамы» в легкомысленную, весьма привлекательную круглолицую особу. Рязанцева посмотрела на свое отражение в витрине супермаркета и пришла в восторг. Прежняя Ева — мечтательная, романтическая и доверчивая, «идеальная жена» и обманутая любовница — перестала существовать. Ее сменила...

А вот с этим оказалось сложнее. Получалось, что отвлечься от прошлого намного проще, чем создать новый, принципиально иной образ.

Ева пришла домой, разделась и робко приблизилась к зеркалу. Оттуда на нее смотрела тридцатилетняя женщина, умудренная опытом, утомленная жизнью, разочарованная в любви, грешная, незнакомая... Модная прическа придавала ей некий неуловимый шарм двойственности — кокетливые локоны обрамляли растерянно-серьезное лицо. Ева точно знала, какой она быть не желает. Но *кем* она собирается стать?

— Я буду ваять тебя заново, — сказала Ева своему отражению в зеркале. — Как Пигмалион ваял Галатею. Я создам тебя, как Леонардо да Винчи создал Мону Лизу, заставив весь мир разгадывать тайну ее улыбки. Излишняя простота женщинам вредна, она их портит, как чрезмерно яркий свет — произведение искусства. Рембрандтовский полумрак, полутени, тициановское золото... вот то, что нужно. Раздетая натурщица, выставленная на всеобщее обозрение, вместе с загадочностью теряет половину своего обаяния.

И Ева принялась за осуществление задуманного. Поскольку внутренние метаморфозы гораздо менее заметны, она взялась за внешние. Коса была отрезана, и теперь следовало заняться фигурой.

— Похудеть! — решила Ева. — По какой-нибудь экзотической методике! Вульгарная диета, шейпинг и тренажерный зал не для меня. Это будет противоречить моему новому имиджу.

На ловца, как известно, и зверь бежит. Секретарша из российско-испанской фирмы, которая брала у Евы уроки языка, посоветовала обратиться в восточный салон «Лотос», расположенный недалеко от метро «Ясенево». Добираться далековато, но зато экзотики хоть отбавляй.

Ева после выяснения обстоятельств гибели Матвеева, бывшего любовника, и той роли, которую играл во всей этой грязной истории ее муж, Олег Рязанцев, сразу ушла из дома*. Квартиру, вещи, тряпки — все бросила, не задумываясь, одержимая одним стремлением — прочь из-под одной крыши с супругом. Сначала рухнула «идеальная семья», а потом приказала долго жить «идеальная любовь». Последствия таких потрясений не могли не сказаться. Тонкая, нежная натура Евы давала трещину за трещиной, пока не оказалась у опасной черты. Выручил Еву частный сыщик Смирнов, с которым ее свела судьба при расследовании убийства Матвеева. Он предложил пожить некоторое время у него, прийти в себя, осмыслить прошлое и набраться сил для того, чтобы посмотреть в лицо будущему. Ева согласилась. У нее не было особого выбора. Она смертельно боялась Олега Рязанцева и возможных осложнений с разводом. Всеслав Смирнов помог ей расстаться с мужем без эксцессов — он о чем-то там намекнул Рязанцеву, и тот сдался.

Олег не препятствовал разводу, но Еве до сих пор страшно было вспоминать его взгляд, которым он смотрел на нее при последнем разговоре, — холодный, полный затаенного бешенства и жажды мщения. С того дня они больше не встречались. Наверное, Олег смирился с неизбежным, остыл. А Ева все еще не могла без дрожи думать о нем. Ей бы не помешала психологическая разгрузка, какая-нибудь эффективная техника расслабления, и тут салон «Лотос» оказался как нельзя кстати.

Прошел год с тех пор, как Ева перешла жить к Смирнову. Они занимали разные комнаты в просторной трех-

---

* Читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Венера и Демон».

комнатной квартире и поддерживали теплые дружеские отношения. Впрочем, не стоит лукавить. Смирнов был влюблен в Еву и старался расположить ее к себе, вызвать ответное чувство.

Услышав о салоне «Лотос», он обрадовался. Наконец-то у Евы появится новое увлечение! После развода она вела жизнь затворницы, ничем не интересовалась, кроме работы и книг по искусству — благо у Славки два книжных шкафа были забиты альбомами, музейными каталогами и толстыми трудами по истории искусств. Книги собирала его мама, ученый-историк, всю жизнь проводившая на колесах: если не в археологических экспедициях, то у таких же одиноких подруг, захваченных исследованиями истории Древней Руси. Сейчас мама жила в Суздале, изучала древнеславянские рукописи. Славка написал ей о Еве и получил в ответ радостное письмо, в котором мама выражала надежду, что ее непутевый сын наконец остепенится и начнет размеренную семейную жизнь.

«Как бы не так! — подумал Смирнов, читая мамино послание. — Слово „семья“ при Еве лучше не произносить. Так же, как и „любовь“. Передо мной стоит непростая задача — завоевать чувство женщины, которая и слышать не желает ни о каких ухаживаниях».

Первое время Ева забросила уроки испанского, почти не выходила из своей комнаты, питалась чаем и бутербродами, плакала, спала, снова плакала. Казалось, ее горю не будет конца. Но тихая, теплая московская осень облегчила ее боль. Славка чуть ли не силой вытаскивал Еву в Сокольники, в Измайлово, за город. Осенний лес, горящий золотом и багрянцем, полупрозрачный от солнца и сентябрьского неба, ронял листву под ноги гуляющим. Пахло грибами. Ветки рябины гнулись от красных ягод. И так грустно и хорошо было на душе от этой пронзительной синевы, от этого пьяного воздуха, так сильно, горько пахли облетевшие листья, что нельзя было отказаться от надежды на счастье, на новое дыхание жизни, на что-то

несбыточно-прекрасное, свежее, как это золотое лицо осени...

Когда зарядили холодные обложные дожди, Ева уже начала оттаивать. По вечерам она ждала Славку с работы, стоя у окна. Потом они вместе ужинали. Готовить приходилось ему, но он привык. Бесконечные мамини разъезды, суворовское и десантное училища, служба в спецназе закалили Смирнова, выработали у него терпимое и простое отношение к быту. Он умел все — готовить еду, стирать, наводить порядок и заботиться о ближних. Главное — это было ему не в тягость, а в радость.

Ева неохотно поддерживала разговор, но постепенно их беседы за чаем становились все более и более долгими, откровенными. Смирнов действовал осторожно, как сапер на минном поле, опасаясь сделать неверный шаг. Потихоньку-полегоньку он выуживал у Евы слово за словом, признание за признанием. Она выдавливала свою боль по капле, скупно, словно боялась расстаться с ней. Капли сливались в ручейки, которые в очередной дождливый вечер разразились бурным потоком рыданий, жалоб, проклятий и смеха. Такого «водопада» сыщику до сих пор видеть не приходилось. Он убедился, что Ева — женщина воистину необыкновенная, которая и плачет, и смеется со вкусом и знанием дела.

Однажды, случайно заскочив днем домой, Славка застал Еву за уборкой. Она надела синий мамин фартук с оборками, вытащила пылесос, швабру, вьетнамский веник с длинной ручкой и принялась выскребать отовсюду пыль, до которой у хозяина не доходили руки. Жизнелюбие Евы пускало первые робкие ростки.

Вскоре она взяла на себя обязанность готовить еду и делала это с таким вдохновением, что через месяц сыщик заметил изрядный слой жирка на своей талии. Он с трудом застегнул джинсы и дал себе слово возобновить утренние пробежки.

Ева со странным, даже болезненным удовольствием погрузилась в мир искусства и древней истории. Славка